

СОВЕТСКОГО Союза в том виде, в каком он был раньше, больше нет. Радостный экстаз после победы, после неприменных августовских праздней довольно быстро сменяется тревожным ожиданием: что будет?

«Политические симплики» обещают «тревожную зиму», В. каротки строчки информационных передач постоянно приглушают радиоприемники, что будет еще хуже. Не очень понимаем, какой в этом роде, зачем воспоминать и без того воспаленное массовое сознание, зачем нужно нагнетать и без того напряженную обстановку?

Что проку, что телевизионный экран не дает продохнуть от отрицательных эмоций, все уже привыкли, что телевизионная (как и газетная) содержит немало ошибок, каждый день слышишь опровержения, то о чем сообщали раньше, — не подлинность. Получившие известность «телезвезды» публицистического экрана резко выделяют Горбачева, наместо позавбы, что, если бы не он, не было бы ни их, ни тех несильных перемены в стране, историческом разрыве имеют великий смысл для страны, переживающей катастрофический момент. Политическая жизнь набирает скорость, уже не пугая, а реально демонстрируя, каковы неразрешимые конфликты, внутри которых страдают человек.

Развал империи — дело хорошее, хотя не вредно и поразмыслить, что за ним стоят люди, для которых это развал есть конец более-менее налаженного бытия. Вспомогательные разрушения, новые пока отсутствуют, они только создаются в обстановке очевидной катастрофы. Коммунизм — мерта, у нас теперь нет ни федерации, ни конфедерации, ни живым в космополитичной стране, державой ее уже не называют, республик в ней меньше, чем наций и народностей, люди оказались равны самим себе.

Только что вернулись из Литвы, сохраняя память об удивительно добрых, как никогда прежде, отношениях литовцев приехавшим из Москвы. Травяные головы понимают, что тяготение к русской культуре свойственно не только национальному меньшинству, но и литовской интеллигенции, приехавшей в последние лет внутри Советского Союза. Исторически сложились свои культурные контакты, теперь надо найти дружественную инициативу при всех преобразованиях. Эти взгляды вызывают раздражение националистически настроенных кругов. Трудный день — неясен. У истории свои сроки, но как быть людям искусства? Что делать театру? В этой атмосфере не что опереться!

Российские правительственные органы заполняют вакуум образованности в итоге развала союзных властей. Малый театр уже перебежал под эгиду республиканского Министерства

Виталий Вульф

Театру открыты ворота

лей России. Пять лет назад очередного съезда ждали, и громкое слово Олега Ефремова о создании Союза театральных деятелей сыграло историческую роль. Теперь ее изменили: Если додумка за кулисами еще можно было услышать всех волновавшиеся вопросы: почему Ульянов

слушает одних и не прислушивается к другим, почему так много адвект за границу эмигранты прелания? почему исторический экстаз некоторых из них пугает руководство СТД и т. д., то сейчас все озвучено и другим. Шелуха невольно обрывается, промежуточные звенья отсутствуют, и в сегодняшней жизни никому не нужны. Очевидно, что Союз театральных деятелей должен стать прежде всего профессиональным союзом, защищающим интересы людей театра, СТД, и в первую очередь Ульянов, должен был дополнить надбавки и пенсия для членов союза, и этот реальный факт во многом парализует все недовольство театральной массы по поводу того, что на орбите руководства один из лидеров, до беззастенчиво выполнял карты разных отделных секретарей, озвонивших, что от них зависит судьба советского театра, насколько не забывая о том, что союз оплавляет все из своего кармана. Стоит ли переиспытывать список претензий, или будут всегда, это свойство человеческой породы. Ныне экономические условия диктуют реальность дня. Прошлое надо осмыслить, но думать надо о будущем, а не о том, что уже произошло: разделение МХАТа, Театра имени Ершоловой, крах Театра на Малой Бронной, кризис Театра имени Пушкина, ненужные гастроли за рубеж тех студий, которые только-только вылиплились из гнида на узкую тропинку профессионализма. Театры переходят на контрактную систему, МХАТ имени Чехова уже перешел. Воздух сейчас насыщается электричеством.

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ выросло в эпоху, когда главные режиссеры создавали или, точнее, строили театры: Ефремов — Соревеникин, Тостоголов — Дзедзигула, Тонстогану. На глазе Захаров возродил «Ленком», Додин — Малый драматический, еще обновление начал еще в 70-е годы Ефим Павлов, столь трагически закончивший свою жизнь. В 70-е годы остались мало художников, способных возбудить и повести за собой актерские коллективы, но даже им превратиться в инертную массу, хотя среди режиссеров, ощущающих искусство как ремесло, родились такие таланты, как

чающиеся скорее своей судьбой, чем театром, которые они не создали. Скажем, рекламируется «Театр Романа Виконка», но ведь такого театра пока нет, есть «фирма», «деловая контора», «адресация», организация на разных сценах «проката спектаклей», поставленных теми артистами режиссерами с актерами разных театров Москвы. На них-то приходится мысль о кризисе театра. Он отлетает и когда видны толпы, стекающиеся в поисках лишнего билета на спектакль Накрошеса «Нос», вне зависимости от того, удача это или поражение режиссера, придающего талантливому мировому движению острый актерский оттонок, характерный для нестроений в Литве в доагустовский период.

Работы Э. Накрошеса, К. Гинкеса, А. Васильева свидетельствуют о стремлении к новому театральному стилю, ступенчатой метафоричности того, что они творят. И, право, не имеют никакого значения, когда категорично объявляется лучшим спектаклем московского сезона работа режиссера Ю. Поргричико, имеющего немало почитателей, — гораздо важнее утвердить пошатнувшееся доверие к критическому слову.

В режиссуре сегодня немало «вольных птиц», особенно тех, кто исподугает выходящую нечетвергости театральников — единички, как всегда. Виктик и Гинкас радуют нас своими работами. Васильев — это уже легенда, его спектаклей в Москве сейчас нет, есть сообщения о премьерах, поездках за рубеж, выступлениях на международных фестивалях, в Париже он готовится к постановке в «Комеди Франсез» «Маскарады» Лермонтова, репетиции начнутся в марте 1992 года. К сожалению, ни Васильев, ни Виктик, ни Гинкас не видят для себя возможности найти высшую театральную красоту в стабильных театрах; во всяком случае постоянно в них они не работают. Что-то здесь не устранивает их, ступает в противоречие с их художественными идеями, хотя если разобратся, все гораздо сложнее.

А тем временем в Москве живут и работают Малый, театры имени Вахтангова, Маяковского, Моссовета, «Соревеникин», Театр сатиры — и это не просто названия, за каждым из них — история, традиции, удачные, порожненные

чувства сопричастности общему делу исчезает, взаимности в театральном руководстве с актерами будут поставлены на строго деловую основу, как на Западе. Только на Западе почти нет театров, а есть спектакли и отдельные талантливые имена.

Контрастная система не избавит театр от страстей и несправедливостей. Сегодня все так устало, всем так все надоело, что примет любую реорганизацию. Да, она даст руководству обширные права, легче будет избавляться от тех, кто не нужен, кто изжил себя, хотя важнее «спокойно и совместно разлагать» острые столкновения. Театр сам по себе — организм спонтанно-творческий, и нем всегда достаточно силы, превосходящие переводы. Что помошало Валерию Фокину, когда он ушел из «Соревеникина», где удачно и совместно работал, создать театр «Режизитора» в Нью-Йорке (ныне в США — Нью-Йорк-Данченко). Они были не только в труппе, но и в нем самом. Это очень трудно находить трезво относиться к самому себе. Легче вздуть по миру, создавать «центры» — Мейерхола, Станиславского, Брехта, семинары, встречи, чем вести свое театральное дело. Кто спорит? Нужны и «центры», и «фестивали», без объединения не выработаются терпимость, интеллектуальный опит, не рождаются стимулы творческие, но все это имеет смысл, когда налажена основа. Быть во главе театра — значит быть не только умным и талантливым, но и человеком, и проинтегрированным, и бесстрастным, и действительным, и все это трудно, и особенно в наши дни, когда усилен общий профессиональный кризис культуры слугает годами, и очень опасно создание контрактной системы, при которой внутренняя приязанность актера к театру может быть поколебана.

Когда-то в старом Художественном театре было особенно остро развито это чувство сопричастности общему делу. Сколько «пустых сезонов» зияли Клод Ланжелье, Кинппер-Нахова, Олег Стриженов, Елена Андреева, Добронрава, но ни у кого из них даже мысли не возникло изменить своему театру, нарушить его правила, как бы горько ни складывались их судьбы. Стабильность осталась тогда, когда молодые артисты решили создать театр-студию и назвали его «Соревеникин», они соединили с ним свою судьбу. Так поступили Волчек, Толмачева, Кауша, Дорошина, Мяснова, Фролов, и они сохранили те

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ система — интеллектуальный проект, но он рождает во мне тревожные предчувствия. Подписывая контракты, актеры станут относиться к театру как к месту своего пребывания

Людмила. — 1991. — 50 стр. — с. 10.

Нет источника 1991 г.

атр. Ушел Ефремов, покинул театр Ефимов, Лавров, Милков, Вертинская, а «Соревеникин» выжил, и, сколько бы его ни упрели, ему не занимать художественной определенности, и он не утратил власти над залом при всем кризисе идеи, с которой он начинал.

Если окинуть самым поверхностным взглядом ушедшее время, то из него неаромно возмунит Анатолий Эфрос — со своей идеей «Актриса», и его Театр «Комеди», старый МХАТ, вахтанговцы, когда у него руля был Рубен Симонян. Они были живые театры, актеры чувствовали себя защищенными, руководители с неутомимыми терпением «следовали» труппу при всех драматических опасных политических и театральных поворотах.

Сегодня мир «тот» холоден и напряжен, коммерческие интересы выдвигаются на первый план, общая политическая и нравственная ситуация не объединяет, а разводит людей. Актерам очень нелегко жить.

Сколько сумрачных некрологов можно написать по поводу несостоявшихся актерских судьб! Для этого не надо звать в свидетели истории. Что сыграло за последние десятилетия Галина Пашкова или Антонина Гунченко в Театре имени Вахтангова? Часто ли выходят на сцену Юлия Борисова или Ирина Кунченко, тонкая, глубокая актриса? Кто возмолвил отсталость от театр Олги Жюковской? Разве что критик Николаев написал о ней, вспоминая, придав текст ностальгической остроты. А Жюковская — живая человек, и я думаю театр, как и она сама, ищет серьезный репертуар. (Свидетельством тому — изысканное и сдержанное интервью, которое она дала «Советской культуре»). Незаметно ушла с «Малой Бронной» Людмила Богданова, зашедшая немалое удачу, работавшая в Эфросовом театре имени Моссовета действительно современная Валентина Талызина. Давно не радовали творческим подъемом Милков и Тараторкин, Любшин и Калагин, редко появляется в ми подполковник писателя Екатерина Васильева, ушла из МХАТа Вертинская, теперь она предоставлена самой себе, ушла из Малого Ирина Печерникова, и никого это не возмолвило. Нигде нет такого богатства актерских дарований, как в Малом театре, и в нем нет ни одного артиста, который не писал бы ириски, актеры уходят, разбегаются. То, что ушел в Израиль М. Козлов, было сообщено во всех средствах массовой коммуникации, его отъезд были посвященные телерадио, но было забыто, что некто из театра поступил по его при-

меру. А насущная проблема авторской признанности при полной готовности немедленно расширить свою авторскую территорию остается вне поля зрения.

НАЧАЛСЯ сезон. Что сегодня интересует зрителя? Предчувствия или воспоминания?

Плохо на «Тангана», на «Малой Бронной», в сложное положение поставлены труппы, а также и «Актриса», «Мланов» первых актрис. А в «Сатиру» — полно, у вахтанговцев — явное оживление, а «Соревеникин» — аншлаги. Видно, потребность в театре не умерла.

Вахтанговцы показали премьеру «Обсудить ты наш, Бобтошка», сцены из пьесы Ф. Горенштейна. Спектакль поставил П. Фоменко. Ирмичный эстетический ряд, неординарная трактовка Петра Первого (М. Сузанов) и царевича Алексея (С. Макаович), грубость лексикон, ничтожная жестокость могут оттолкнуть зрителя, а в акценте уходят тем более, что разрушение стереотипов проходит всегда болезненно. Но режиссером предложен высокий уровень интеллектуального диалога с залом. Русская история взята под знамя выживания в условиях козского под влиянием которого находится автор пьесы. Фоменко обращается в сегодняшней день и строит спектакль с присущей ему воодушевленностью.

«Мартовские иды», поставленные А. Кашем, и новый спектакль П. Фоменко — свидетельство, что театр жив и предлагает серьезный репертуар. Сколько раз за последние годы хоронили его, отказывали ему (и не без основания в отдельных случаях) в сохранении экспрессивно — эмоционально вахтанговского стиля, сколько субъективных оценок слышали в его театральную историю, выдвигая на первый план роль В. Вагриной и Д. Дорлиана в жизни театра в 30-е годы и забывая о роли А. Орочко и Е. Алексеевой. Долго, мучительно, грубо — раставались Е. Сидоровичи — растелись. Теперь — недовольство Ульяновым, его не понимают, рассказали в вкусу, из обихода ушли корректности и уважение, исчезла особая атмосфера интеллигентности, которая так полюбилась зрителям в театре Вахтангова, куда в авторе попла, читая лекции для коллектива, почти двадцать лет тому назад. А между тем именно Ульянов, а не кто-нибудь другой, собрал в театре сильных, талантливых артистов, талантливых режиссеров — Фоменко, Кац, Виктик, Чернахо-

ский. Да, сложности театральные взаимоотношений не изжились. Но последние работы Вахтанговцы доказали, что способны бросить вызов тем, кто пророчествовал о кризисе и распаде театральной культуры.

Живым оказался и Театр Сатиры, его после смерти Миронова и Павлова почти списали в распад. В конце сезона Пучков показал «Соревеникин» Оскара Уайльда, а сейчас театр выпустил сложную пьесу американского драматурга А. Копита «Пана, пана, бедный пана! Ты не вылезешь из шкафа». Ты повешен нашей мамой между плетью и пикапой. Автор остроумно крикирует над универсальным нигилизмом, ... приспосабливающим гризам и жестокость жизни как таковой, вместе с тем пьеса написана в откровенно фарсовый манер, в ней много выдумки, остроты и иронии юмора. Талантливый актер М. Зоннштрайтер выступил на сей раз в роли режиссера, для утверждения себя в этом качестве он выбрал непостоянный материал. Ему очень помогло плетью и пикапой умом, гротескность образов служат у А. Копита целью преродить, и это удивительно ощущение О. Аросева и В. Гарпалин, легко и изящно меняя ритмы и раскрывая свои ранее не реализованные возможности.

Эти и другие маленькие островки удач, заброшенные по театральной Москве, — знак того, что традиционный театр, обруганный и много переживший, способен доставлять людям радость. Он пытается противостоять натиску истории, которая обрушивается на него и способна его сметить. Высшей ценностью почитается преткническая целостность, а целозобразность момента не всегда совпадает с потребностями искусства, составившего славу России еще в те времена, когда разлом в искусственной системы из зависти индустриализма зарождалось искусство Художественного театра. И все-таки власть театра как такового не умерла, его любят и ценят почитатели, он может быть пережитым, пережитым, психологический авангардистский, но всем нужна профессиональная культура, а она складывается десятилетиями, и ее надо сбереать.

Тот театр задает актеры, и чем больше в них будет разности, тем больше будет признательности коллективу, с которым связаны их жизни, тем полнее они выразят себя в том воздухе сцены, который ныне сильно затуманен коммерческими проектами, коммерческими поводами, всем тем, что мешает родиться музыке а душе.